

18+

АНАТОЛИЙ МУСАТОВ



ЖИЗНЬ И ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЛЕЙТЕНАНТА ВАСИЛИЯ

Анатолий Мусатов

**Жизнь и военные приключения
лейтенанта Василия**

«Издательские решения»

Мусатов А. В.

Жизнь и военные приключения лейтенанта Василия /
А. В. Мусатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-655707-9

Жизнь пехотных лейтенантов на фронте была не дольше двух-трех атак. Потом, в лучшем случае, госпиталь. Везло лейтенанту Василию. Он смог дожить до преклонных лет. Но случаи, произошедшие с ним, вполне могли стать последними в его фронтовой жизни...

ISBN 978-5-00-655707-9

© Мусатов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод 1	6
Пистолет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жизнь и военные приключения лейтенанта Василия

Анатолий Васильевич Мусатов

Дизайнер обложки Анатолий Васильевич Мусатов

© Анатолий Васильевич Мусатов, 2025

© Анатолий Васильевич Мусатов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-5707-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод 1

Пистолет

Наконец-то, собравшись с духом, Василий Иванович, кряхтя от натуги, стащил с антресоли небольшой обшарпанный чемодан. Когда-то бывший коричневым, сейчас этот избитый годами странствий незаменимый предмет потерял форму, цвет, но, тем не менее, не утратил первоначимой ценности свидетеля его прошедшей жизни. Василий Иванович с некоторых пор с мистическим чувством думал, что их совместное существование находится в ведении каких-то неведомых сил. Иначе объяснить присутствие этого чемоданчика вот сейчас он не мог.

Сколько перипетий выпало ему в жизни, потерь и трагически-непредсказуемых ситуаций, а поди ж ты, чемодан, словно его вторая шкура, был всегда при нем. Даже в госпитале, куда его эвакуировали с передовой, чемодан не затерялся среди суматохи тех дней. Когда мать собирала его в дорогу на учебу в училище, Василий и представить не мог, что через полвека этот боевой товарищ станет хранителем самых значимых дат.

Откинув крышку, он достал из аккуратно сложенных пачек документов одну. Осторожно перебирая по очереди стопку бумаг, дойдя до ветхого, побитого по краям блокнотика, Василий Иванович начал листать полустертые страницы. Из блокнотика выпал листок, пожелтевший, весь в разводах масляных пятен. Текст почти выцвел, и на пятнах карандашные строки истончились до невесомой прозрачности. С трудом наклонившись, он поднял листок и, расправив мелкую сетку помятой бумаги, всмотрелся в едва различимый текст пятидесятилетней давности.

...Тысячи лет существует мир, и тысячи мальчишек и девчонок – Ромео и Джульетта – испытывают на себе тот бесценный дар Природы – чувство первой любви, и только у немногих остается этот дар на всю жизнь. А жаль! Жаль, что с годами у многих проходит чувство благоговейного трепета перед своей Богиней, чувство ненасытной потребности быть рядом с ней, без колебаний идти к Ней на помощь, чувствовать ее в каждом ударе своего сердца, в каждой капле своей крови... Очень жаль...

Прочитав, Василий Иванович грустно улыбнулся. «Черт те чем тогда была забита его голова!». Эти наивные, наполненные горячим, пульсирующие живым еще чувством, всколыхнули полузабытые страсти фронтовой юности. Кругом была война, смерть и страдания, потери друзей и близких, а у него в голове неотвязчивым рефреном крутились мысли о Тане, своей любви, оставленной в непомерно далеком родном краю...

Ничто не могло заслонить мысли о ней. Василий исполнял все предписанные уставом и службой обязанности почти машинально. Два месяца прошло с тех пор, когда он в последний раз держал ее ладошку в своей руке, не в силах разжать пальцы. Состав уже дергался, чуть заметно набирая ход, и Гриша Дубровин орал ему: «Вась, все, все...», – а он стоял, как литой истукан, видя перед собой лишь наполненные слезами и страданием глаза Тани.

Может, они помогли ему выжить, породив в нем неистребимую жажду вернуться, еще хоть разок увидеть ее прекрасные глаза, услышать ее голос, прерывисто-страстно и нежно шепчущий: «Не надо, Васенька, не надо... не надо...».

И это, почти исчезнувшее стихотворение, он писал, лежа на нарах теплушки в первую же ночь такого длинного, ждущего впереди фронтового пути:

Обдирая последние листья,

*Продувает зима черный лес.
Средь буранов и ветра посвистья
Не увидет лазури небес.
Мне бы жить среди яркого света
И ходить по траве луговой,
Чтоб мечтать в стане теплого лета
О нечаянной встрече с тобой.
Одинокая песня вернулась
Дальним эхом с опушки лесной,
Болью сердце мое встrepенулось
От несбывшейся встречи с тобой.
Жги, тальянка, горяче рыдая,
Расскажи ей, как горестно мне...
Мое сердце, безмерно страдая,
Пропадает в любовном огне...*

Странная смесь звуков одновременно не давала уснуть и завораживающе убаюкивала своей слаженной какофонией. Мерный перестук колес словно делил на части веселые выкрики солдат: «Смотри, Колян спит с открытыми глазами... Не, это он мечтает, чтобы к Новому году его наградили орденом... Да, точно, за убитый десяток мух на кухне... Не, братцы, за рекорд по нарядам вне очереди... Точно, медаль «За боевые заслуги!..».

Взрыв гогота и ржання перекрыл скрип старой теплушки, грохот вагонных колес и гул от пролетающих мимо мостовых ферм. «Ну гады! Опять травят этого заморыша! Надо песочить на политзанятиях Лагутина, житья от него нет новобранцам... Прямо страсть к подначкам! Ну, ничего, походит у меня в ординарцах, присмирет...».

Василий поплотнее прижал к уху шинель. Перед плотно зажмуренными глазами начали выстраиваться аккуратные строчки его дневниковых записей. Ровная вязь почерка была особой гордостью Василия. Много это стоило ему усилий и времени. Невнятная графика прежнего почерка за месяц претерпела такую невероятную метаморфозу, что учительница русского языка, долго всматриваясь в сочинение Василия, недоуменно качала головой. В доказательство обладанием каллиграфическим искусством ему пришлось написать несколько предложений на школьной доске. И когда за его спиной раздались легкие хлопки, перешедшие в аплодисменты, Василий понял вкус трудной, но такой сладкой победы. Учительница и весь класс аплодировали его достижению...

Строчки дневника то четко проступали из плена полусонного марева, то опадали невесомыми искрящимися хлопьями, как от дыхания на крепком сибирском морозце...

«...Она училась в параллельном восьмом классе, и, несмотря на полдесяток прошедшего с того времени лет, я настолько хорошо помню первую встречу с ней, что мог бы до мельчайших подробностей рассказать о ее прическе, выражении лица и глаз, об ее платьице и других мелочах ее туалета так, что как будто она вот сейчас стоит передо мной и терпеливо ждет, когда я, обалдевший, как перед каким-то сверхъестественным видением, изумленный стою перед ней с кружкой воды у бачка с водой.

Ее я помню отлично, а вот себя – нет. Вероятно, я выглядел не просто глупо, а сверх глупо. Что-то неуловимое в выражении ее лица, глаз, позы – нетерпение, недоумение, улыбка, наконец она сама – все вместе действовало на меня так, что я, как неприкаянный, медленно-медленно, бессознательно ставил кружку с водой на крышку бачка, не сводя глаз с незнакомки, и не видел, что ставлю кружку мимо крышки, и она упала со стуком на пол. А я в каком-то блаженном страхе и ужасе, вероятно с таким, каким идет невинный чело-

век, приговоренный на казнь, пятился назад и уже боле нечего не понял – я погиб. Что такое захлестнуло меня – горячее, волнующее, наполнило мне сердце: я видел перед собой богиню...

...Седьмой класс я закончил плохо, и особенно по математике. И дело было не в отсутствии у меня математических способностей, а в недостатке преподавателей: алгебру, геометрию и физику вела очень пожилая женщина: математику она рассматривала как нагрузку из-за отсутствия преподавателя.

Всю свою жизнь, начиная с гимназии, она преподавала немецкий язык, и это сильно сказалось на ее речи. Она слегка шепелявила, неясно произносила отдельные звуки, часто неверно строила предложения, в общем она, коренная сибирячка, говорила, как я потом понял, с легким немецким акцентом. Звали ее Аглая Никандровна, и своим отношением к преподаваемым предметам сумела привить мне такое отвращение к математике, и особенно к алгебре, что не было такого предлога, который я бы не испробовал, чтобы только не быть на ненавистных мне уроках. Попадало мне ото всех за мои проделки изрядно, но я был неисправим. Остальные же предметы давались мне легко и обычно, не готовясь, я отвечал только на «очень хорошо»...

Далекий взрев паровоза, череда толчков и раскачиваний теплушки закончились желанной тишиной. Остановка состава несколько удивила солдат, но не снизила накал их буйного веселия. «Чего они так веселятся?.. Зачем остановились?.. Еще одна тягомотина со стоянием в чистом поле...». Эти обрывки мыслей фоном промелькнули в голове.

Некоторое время Василий старательно пытался заснуть, но промаявшись еще с десяток минут, с досадой отбросил воротник шинели с головы. «Черт их подери!», – пробурчал он. Вдохнув, Василий свесил ноги с полки и уныло оглядел полутемное пространство теплушки. В дальней ее стороне виднелись коробка с «дегтярями», стойки со стрелковыми оружием и минометные «трубы». Часовые, маявшиеся у стоявших в углу «максимов», с интересом прислушивались к солдатской пикировке...

– Вась, ты чего – не спишь?

Василий посмотрел в сторону двери, около которой сидел его дружок, старший лейтенант Гриша Дубровин. Он с веселой ехидцей разглядывал недовольную мину на лице Василия.

– Уснешь тут... Ржут, как жеребцы!

– А я тебе что говорил? Иди лучше сюда, пошамаем малость. Жрать-то хочешь?

– Чего спрашиваешь? Недосып лучше всего лечить едой!

– На галету, погрызи. Все равно скоро двинемся, тогда на станции нас накормят.

– Да когда двинемся? Красный горит, как застыл! У машиниста не спрашивали, чего стоим?

– Бегали, да тот ничего не знает. Закрыли перегон и все.

– Да, видать не одни мы тут кучковались. Вон, видишь, сколько битой техники по сторонам навалено. Бомбили, небось, перед нами.

– Эх, столько добра пропало! Смотри, даже трупы лошадей лежат. Чего их не убрали?

– Не успели, наверное, – мрачно буркнул Василий. – До лошадей тут, когда составы прут один за другим. Наступление готовят основательно. Ох-хо-хо, сколько ребят поляжет, один бог знает!

– Ладно тебе, тоску нагонять. Лучше давай постреляем. Вон воронья на той дохлятине насело. Мишень что надо. Сразу видно, попал или не попал, если останется лежать на конине.

– А че, давай. Хоть чем-то развлечемся. На пачку махорки. Кто первый промажет, тот в накладе. Идет?

– Идет!

Офицеры стали бок о бок. Дубровин достал трофейный «вальтер», выменянный на какой-то станции у капитана из санитарного эшелона. Чуть красуясь, он вскинул руку. Пер-

вый выстрел не произвел на ворон никакого действия. Пара из них лишь встrepенула крыльями, да и то на мгновение.

– Вот заразы, привыкли, видать, к пальбе и грохоту! Ну, ничего, сейчас сниму одну.

Капитан тщательно прицелился и нажал на курок. На этот раз трепыхание одной из ворон всколыхнуло всю стаю. Стая тяжело снялась с трупа лошади и, галдя, закружилa над ним.

– Ну, видал! – Григорий расплылся в самодовольной улыбке. – Твоя очередь. Посмотрим, какой из тебя ворошиловский стрелок.

– Не говори гоп... – пробормотал Василий, тщательно прилаживая рукоять пистолета в ладони. Он дождался, пока вороны успокоятся и неторопливо поднял пистолет. Прицеливался он долго, зная, что самообладание Гриши не рассчитано на столь долгую задержку. Но Василий намеренно не спешил. Следующий выстрел был за Дубровиным, а потому пусть подергается, быстрее промажет. Дождавшись, пока тот не закричал от нетерпения, Василий плавно спустил курок. Одна из птиц, неловко подпрыгнув, опрокинулась набок. Стая немедленно снова поднялась на крыло.

– Я тут чуть не родил, ожидая, когда ты изволишь сделать выстрел. Вон и ворона окочурилась по причине твоей медлительности.

– Хм, наверное, она сдохла от твоего психа. Давай, твоя очередь. Посмотрим, кто проигрывает. Пачка махры с тебя.

– Ух ты! Прямо уже заранее расписал!

Сидевший неподалеку усатый, в годах, солдат недовольно пробурчал про себя, но так, чтобы его слышали:

– И не жалко некоторым животин стрелять...

Дубровин удивленно повернул голову.

– Разговорчики, рядовой!

Но все же, чувствуя какую-то неловкость, добавил:

– Нам нужны тренировки, вот и стреляем.

– Знамо дело, только скоро настреляисси ишшо... досыть...

– Займись делом, солдат. Нечего судить о делах командиров.

Григорий вскинул «вальтер» и, чуть прицелившись, выстрелил. Среди ворон ничего не произошло. Они продолжали неторопливо клевать мясо лошади, перемещаясь по трупу, как по пиршественному столу, степенно и с достоинством хозяев такого богатства. Василий спокойно констатировал:

– Как я и говорил, махра моя.

– Брось, это не считается. Ветер дунул сильно, поэтому и пуля мимо прошла. Я буду стрелять еще раз.

Василию пачка махры была бы кстати, но дразнить Гришу ему не хотелось. Пусть стреляет еще раз. Все равно, его табачок частенько оказывался в самокрутке Василия.

– Ладно, давай. Плохому танцору всегда что-то мешает.

Григорий молча забрал пистолет. На этот раз он прицеливался гораздо тщательнее, но выстрелить не успел. Перед вагоном появился ординарец полковника.

– Товарищ старший лейтенант, вам приказано прибыть немедленно в штаб. Можете идти со мной прямо сейчас. Остальные уже собрались.

– Чего случилось?

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант. Знаю, что связисты получили какое-то сообщение из штаба армии.

– Вась, подожди, я сейчас приду. Можешь пока потренироваться. Держи.

Григорий протянул пистолет Василию и лихо соскочил на насыпь. Василий сунул «вальтер» за ремень и посмотрел другу вслед. Он думал, что Гриша слишком горяч, чтобы быть командиром роты. Василий перевел взгляд на длинный, весь в поздних травах, луг, раскинув-

шийся до голубевшего вдали леса, и вдруг ощутил, что все простиравшееся перед ним пространство уже давно и близко ему знакомо. И этот луг, и лес вдали были словно картинкой из его детства и юности, из далекого родного сибирского края...

«... Чувство, с которым я шел в первый учебный день девятого класса, я не берусь описать. С одной стороны, желание увидеть ее, посмотреть на ее прекрасное лицо, походку, услышать ее милый, глуховатый, с легкой хрипотцой голос, было так велико, что только при одной мысли об этом у меня сладко замирало в какой-то истоме сердце и подкатывало к горлу. А с другой стороны, стыд и позор жгли меня от одной только мысли, что я посмел написать ей такие оскорбительные слова, с которыми можно и достойно обращаться только к богиням. Мне казалось, что большего кощунства не может быть, как обращаться к ней со словами признания в любви для простого смертного и ничтожного человека, каким был я.

В этот день я походил на человека, находящегося в состоянии ожидания сверх блаженства... И в тоже время, я походил на преступника, ожидавшего смертной казни за тяжчайшее преступление...

Василий очнулся от истошного крика. Он оглянулся.

– Етит твою кучкину мать! – орал, выпучив глаза, сержант. – Черт криворукий! И куда смотрел твой папаша, когда делал тебя?!

Около сбитого из досок стола, на котором были разложены части «Максима», пританцовывал Волокушин. Зажав руку под мышку, он яростно обкладывал матом понуро стоящего рядом рядового Никандрова.

– Отставить мат, – крикнул Василий. – Что у тебя случилось?

– Да этот раз... здяй уронил мне на пальцы короб!

– Сержант, ты это... кончай материть. Покажи, что у тебя с пальцами.

Волокушин со страдальческой миной вытащил ладонь из подмышки и протянул ее к Василию. На пальцах виднелись кровоточащие ссадины и содранная кожа. Пулеметный короб при падении на руку мог и не такое с ней сотворить. Восемь кило угловатого железа – пренеприятная вещь! Василий сам имел возможность однажды получить такое удовольствие. Потому он понял, что Волокушин не придуряется, чтобы лишний раз смотаться в медсанчасть, располагавшуюся в середине состава, как раз перед теплушкой с кухней.

– Понятно. Быстро в медвагон и тут же обратно. Никаких забегов на кухню. А ты, Никандров, за членовредительство получай три наряда вне очереди. А перед этим десять раз собрать и разобрать пулемет. Повтори!

– Есть собрать и разобрать пулемет десять раз и получить три наряда вне очереди... – хмуро пробурчал Никандров.

– Что? Не слышу!

– Есть собрать и разобрать пулемет десять раз и получить три наряда вне очереди, – вытянувшись в струнку, проорал Никандров.

– Выполнять!

В вагон одним махом вскочил ротный:

– Ну, все, хватит муштровать! – сходу бросил он. – Сейчас нам всем мало не покажется. Предстоит марш-бросок на Карпушино.

– А чего так? – вскинул брови Василий.

– Полчаса назад, ровно столько, сколько мы торчим здесь, немцы разбомбили станцию. Там не принимают составы. Так что приказ по бригаде – спешиваться и маршем отбыть на место дислокации. Полковник распорядился, чтобы ни одна собака не вздумала проволынить. Не то грозил трибуналом, расстрелом на месте и всякой такой ерундой.

– Надо полагать, собаки – это мы?

– А то кто же!

– Вот мамашины блины! До Карпушино только от станции пятнадцать верст! И отсюда до станции версты четыре, не менее...

– Да чего там! Гунди не гунди, надо срочно поднимать роту и выкатываться на построение. А то наш полкаша первый прибежит – икру метать. О, слышишь, раструбились уже.

Василий и сам услышал рассыпавшиеся коротким стаккато сигналы горнистов бригады. Их поддерживали частые паровозные гудки. Крики взводных, отдающих команды, гул солдатских голосов, сливающихся с глухим лязганьем выгружаемого оружия, выкатываемых по настилам пушек, повозок с хозимуществом и ржаньем лошадей складывались в знакомый поток воинского сбора. Василий стоял у вагона и, хотя видел эту картину уже много раз на длинном пути от Томска до фронта, всякий раз что-то нереальное посещало его мозг. Он видел огромную силу. Несчетное количество солдат, мощное оружие, которым была вооружена его бригада, никак не вязались с той катастрофической ситуацией на фронте, о которой говорили бывалые фронтовики, возвращающиеся на формирование, и раненые с санитарных эшелонов.

Ни фронтовые сводки, ни многочисленные разговоры никак не могли убедить Василия в реальности происходящих событий. Он смотрел на могучую армию, выстраивающуюся вдоль насыпи, и думал: «Если выстроить нашу бригаду шеренгой по фронту и дать залп, всего один залп из оружия, что мы имеем хотя бы вон по этому лесочку, то на его месте образуется ровное поле, усеянное деревянной трухой. Что же такое эти фашисты, что против них такая мощь все равно что спичка против огнемета... Значит, дело не в оружии... Плохо, что ли, воюют наши войска... Этого не может быть...».

Василий сорвался с места и заорал на солдат, несших вдвоем щит от «максима»:

– Не надорветесь, – по двое таскать? Совесть бы поимели! Ты, Суконцев, носи его дальше, а ты, Ломоногов, пойдешь со мной. Такому облому и плита минометная как ложка! Ложкой, небось, управляешься? Вон, от ротного миномета, взять, – и за мной!..

Слаженная суэта выгрузки бригады как ни казалась длительным действием, все же через полчаса была закончена полностью. Бригада выстроилась побатальонно, метрах в двухстах от опустевшего поезда. Полковник на большой каурой лошади проскакал до конца состава. Убедившись, что выгрузка прошла штатно, он широко махнул рукой, будто отсекая что-то, и состав, медленно набирая скорость, двинулся задним ходом на ближайший разъезд. Среди стоявших в построении солдат, от взвода к взводу, весело прошелестело: «Ишь, наш полкаша каков... бравый рубака!.. Прямо-ть, сабельки не хватать!..».

– Разговоры отставить! – обернулся Василий к взводу. – Старшина, смотреть за порядком!

– Так точно, товарищ лейтенант. Я вить им рты-то не позакрываю, а присмотрю, кто самый говорливый, и как прибудем, подарю наряд вне очереди...

– Смирно, равнение на середину, – оборвал сентенцию старшины зычный голос майора. Выйдя на встречу подскакавшему полковнику, он кинул руку к фуражке и отрапортовал:

– Товарищ полковник, отдельная, Н-ская стрелковая бригада, в полном составе готова к маршу. Жду вашего приказа к началу движения. Доложил майор Зимин!

– Вольно! Товарищи бойцы и командиры! Командование поставило нам задачу: занять оборону на участке Тупилино – Карпушино. Станция с час назад была разбомблена налетом немецкой авиации. В связи с этим нам предстоит маршем пройти до места дислокации и сходу занять передовые позиции по линии фронта. Идти предстоит скорым темпом, по проселочной дороге, больше половины из которой проходит по лесным просекам, но, несмотря на это, все отставшие будут рассматриваться как бойцы, сознательно уклонившиеся от поставленной командованием задачи, то есть, как дезертиры. Обо всех происшествиях в ротах докладывать мне немедленно. Приказываю – батальонам начать движение по маршруту. Командуйте, майор.

...По исходу третьего часа колонны стали растягиваться в неровную гармошку. Василий, отставая от переднего края своего взвода, ждал отставших. Ободряя хмурых солдат, он иногда помогал подтаскивать тяжелые опорные плиты минометов, пулеметные станки и толкать из ям, через коряги, застрявшие телеги. Вскоре раздалась так давно желанная команда: «Батальон, стой! Привал пятнадцать минут. Всем оправиться, ротным проверить наличный состав». Строй мгновенно рассыпался по ближайшим кустам. Несколько минут в лесу слышались весьма чуждые для него звуки. Василий присел на сваленный обрубок ствола и с наслаждением закурил. В табачную нирвану, в которую он погрузился, как в парную воду, стали внедряться некие возгласы, преимущественно на повышенных тонах. Василий открыл глаза и повернул голову. Неподалеку несколько солдат обступили одного и с веселыми подначками общались с сидевшим. Василий встал и, подойдя к ним, спросил:

– Что за митинг?

– Да вот малой копыта сбил. Надоть было портянки ловчее крутить! Правильно говорят – дурная голова ногам житья не дает!

– Ладно, всем разойтись...

Василий уже видел размер случившейся беды. Недомерок-заморыш, даже фамилию его было трудно вспомнить, кажется Килинкаров, из недавнего пополнения, сидел с разутыми ногами и, глядя на Василия большими, собачьими глазами, тихо говорил:

– Товарищ лейтенант, я не хотел, не знаю... как так получилось... я не знаю...

– Ну, что, Вась, чего случилось? – спросил подошедший Дубровин.

– Да вот, этот... недотепа, умудрился стереть ноги до мяса!

– М-да, – взглянул старший лейтенант на багровые подтеки и в сердцах бросил:

– Ну что с ним будешь делать?! Оставь его здесь, пусть расстреляют как дезертира!

– Точно, – буркнул Василий, – одна с ним головоморочка!

Сидевший на пне солдат, белобрысый, с торчащим на затылке пучком ежистых волос, уныло устался перед собой, разглядывая истертые до крови пальцы ног. Вся его фигура выражала покорность и бесконечную усталость.

– Почему он без пилотки? Где твоя пилотка, боец? Отвечать!

Старший лейтенант навис над дохлой фигурой солдата, как паук над спеленатой мухой.

– П-пот-терял, – заикаясь, еле слышно проговорил страдалец.

– Вот недоразумение! Повоюй с такими! Ну вот что с ним делать?!

– А чего делать? – едко сказал Василий. – Затолкаю в середину взвода, чтоб никто из начальства не увидел, и пусть босой, как пастушок, с сапогами на плечах, идет дальше. Неровен час, меня тоже под статью подведет! А как же, командир не досмотрел – значит виноват.

– Ладно, – нехотя согласился Дубровин. – Хотя его надо бы в медсанчасть, на повозку, да там все они забиты имуществом. Ну, действуй...

Ротный повернулся и зашагал к головному взводу. Василий окликнул сидевшего неподалеку сержанта:

– Волокушин!

Сержант неторопливо поднялся и, подойдя, отдал честь.

– Вот что, Волокушин, видишь это недоразумение? Как двинемся, запахай его в середину взвода и приглядывай, чтобы он не потерялся по дороге. Уж больно он способен на всякие выверты!

Волокушин вытер усы и усмехнулся:

– Ниче, товарищ лейтенант, не потеряется... Разрешите идти?

– Давай, – в безнадежном жесте махнул рукой Василий. – И выдай ему какие-нибудь обмотки, хотя бы ветошь. Пусть замотает ноги...

Мне было только девятнадцать лет, но я смотрел на нее глазами много видевшего человека, и горькое недоумение не давало мне возможности ответить на вопрос: «Что же увидели мои глаза и почувствовало сердце в той пятнадцатилетней девчонке, что в ней было такого сверхъестественного для меня, пятнадцатилетнего, чем она сумела так поразить мое воображение и преобразить меня до неузнаваемости?!». Ведь она осталась почти что такой, нисколько не изменившейся! Тот же курносый нос, пухлые, даже очень пухлые щеки, белесые ресницы, редкие волосы, короткие толстые пальцы и неуклюжая, полноватая фигура?

Что же изменилось за три года? Да ничего! Но тогда почему же три года назад этот курносый нос, пухлые щеки, полноватая неуклюжая фигура, весь ее облик вызывал во мне такое волнение, неизъяснимое наслаждение от одного только взгляда на нее, порождал тихую, ласковую грусть и заставлял меня краснеть, умиляться, трепетать, звал куда-то ввысь, мог заставить совершить невероятное ради нее, сделать такое, о чем я сейчас и помыслить не могу?!

На это у меня нет ответа, да и, вероятно, никто не сможет ответить...

...И все же это необъяснимое вскоре завладело мной всей силой необузданной юношеской страсти. Я вновь утонул в стихии любви, уже другой, обретя в ней, моей Тане, смысл всего земного существования. Туман восторженного чувства кружил мне голову. Я стал нелюдим, неохотно вступал в разговоры со своими сверстниками, моя рассеянность стала слишком очевидна. Мама скоро заметила это ненормальное состояние... Мысли о Тане ни на минуту не давали мне покоя. Даже во сне я страдал от неразделенного чувства. Объясниться с ней было выше моих сил. Но и оставить все так я был не в состоянии. Скоро я уеду, и она никогда не узнает о моей великой любви... Так нельзя, это несправедливо!..

Василий шел сбоку колонны и размышлял о тех днях, зацепивших и перевернувших всю его натуру. О таких страстях до того момента он и не подозревал, считая все разговоры и читанное в книгах про любовные страдания надуманными и приукрашенными разными краснобаями и писателями. К своим пятнадцати годам он перечитал почти всю школьную библиотеку, по тогдашним возможностям довольно скудную и претенциозную. Но он разыскал пути к иным источникам книжных запасов и, уже не отрываясь, поглощал литературные шедевры запоем.

Умерший рано отец почти не оставил в его памяти какой-либо значимый для него след. Но мать, работавшая воспитательницей в детском саду, весьма поощряла вдруг проснувшийся интерес ее единственного дитяти к чтению. Поговорив с некоторыми из родителей, она деликатно и дипломатично указала Василию, где он может разжиться желанными книгами. В арсенале ее приемов были неоднократные просьбы к сыну отвести чье-либо чадо к запаздывающим родителям, то оказать услугу хорошим людям, отвезя им тачку с углем, что само по себе в то время было должностным преступлением. Но Василий этого не знал, и потому охотно тащил драгоценный груз по указанному адресу. А там добрые хозяева угощали его чаем, и глава семейства, подведя к объемистому шкафу, доверху набитому толстыми томами с золотыми буквами на корешках, давал порыться в этом богатстве. Уходя, Василий непременно уносил с собой одну из желанных книг, которую ему любезно давали прочитать до определенного срока...

Солнце, давно ушедшее за верхушки деревьев, щедро залило розовой эмалью длинные, тонкие перья облаков. По длинной просеке посреди осинника потянулись первые тяжи тумана. Василий с удивлением смотрел, как люди будто плывут по белому полотну. Лесная подстилка скрадывала шум передвижения массы солдат и повозок, отчего казалось, что в сумрачном вечернем свете эти плотные тени возникают ниоткуда и уходят в никуда. Он шел рядом с этими призраками и думал, что и сам есть среди них такой же бесшумный и призрачный, как древний леший из русских преданий. В какой-то момент к сердцу подкатил спазм озноба и перетряс

Василия от макушки до пят. Ему показалось, что не немцы, ждущие их впереди, а нечисть лесная есть их главный страшный недруг. «Черт, померещится же такое...».

Через несколько минут деревья отступили, и колонна вышла на обширную опушку. Свет вечернего солнца развеял нечаянные страхи Василия. Он оглянулся. Остатки его роты вытягивались из тьмы леса. «По-о-дтянись, батальон, на месте... стой! Повзводно разобраться... Привал... привал...».

Звонкий голос майора смел последние остатки мистических видений. Малышев вздохнул и подумал, что уж лучше было бы воевать с призраками, что народу удавалось с успехом целыми веками, чем истреблять всякую двуногую нечисть, хрен знает зачем припершихся на их землю...

– Вась, иди сюда!

Поодаль стоял Дубровин и призывно махал рукой. Малышев зашагал к нему.

– Ну что, еще малость отдохнем. Почти двенадцать километров за два часа отмахали!

Григорий устало, но с бодряцкими интонациями в голосе обозначил их успешный марш.

– Еще почти столько же шагать, – вздохнул Малышев. – Хорошо бы до темноты выйти на большак. А то на этой просеке все ноги посбиваешь об коряги да пеньки.

– По трехверстке вроде осталось пару километров до него. Там легшее будет. Садись, будем вечерять.

К ним подошел Белов и с хитрой улыбкой спросил:

– Чем богаты?

– Ну ты даешь! – хмыкнул Малышев. – Галеты, сахар да вода. Будто у тебя не тоже самое.

– Это у кого как! – расплылся в улыбке Аркаша. – А вот это не видели?!

Он вытащил большую банку тушенки и торжественно поставил на расстеленную тряпицу.

– Откуда?

– Места надо знать. На последней станции я у старшины интендантской роты колоду карт выменял на эту баночку. Хотел оставить до лучших времен, чтоб закусончик соорудить по случаю, но вижу – сейчас в самый раз будет. Так что, налетай, братва.

Несколько минут сосредоточенного жевания были прерваны возникшим из-за куста лейтенантом.

– Малышев, к комбату.

Василий прожевал кус, обернулся на голос ординарца майора и буркнул:

– Не успели поесть, как шило выскочило из мешка... Случаем, не знаешь зачем?

– Не, – мотнул головой лейтенант, – собирает всех политработников. А зачем – не в курсе.

– Ладно, иду.

Василий кивнул и, глядя в спину уходящему ординарцу, сказал:

– Я, мужики, как раз про дом вспоминал. Ни одного письма еще не получил.

– А чего ты хочешь, если мы чистых десять дней в пути да на переформировании уже с полмесяца? Куда тебе их слать? Вот прибудем на место, тогда получим все сразу ворохом.

– Ха, хорошо бы. Мать у меня хвоя, какие-то женские болячки у нее. Я, когда уезжал, видел ее тоскливые глаза. Так в сердце защемило, что жуть. Она меня ведь одна воспитывала. А я не подарок был...

– Да ладно тебе, – недоуменно покачал головой Григорий. – Чего разнюнился? Все будет в порядке. наших родных не оставят в беде, позаботятся. В общем, иди, а то получишь хороший кусок нуднятины в виде полковничьей нотации.

– Да... ну да... – отстраненно ответил Василий и поднялся. – Пойду. У комбата найдется, чем взбодрить. Не иначе, как сюрприз какой-то готовят. Чует мое сердце, не видать нам отдыха после марша.

– Не каркай! – недовольно сморщился Григорий. – Иди уж, кликуша!

В палатке комбата стоял приглушенный гул разговора. Среди находившихся здесь политработников он увидел своего земляка, лейтенанта Петю Трифонова, как и он сам, замполита второй роты. Василий подошел и тихо спросил:

– Привет, Петь. По какому случаю аврал?

Румянощекый Трифонов, только недавно нацепивший еще один «кубарь», вздернул плечи:

– Сам не знаю. Вроде слышал, что получен приказ прямо с марша занять оборону у Карпушино. Там намечается ночная заваруха.

– Вот черт! Люди устали.

– Вот и я о том же. У меня во взводе половина обожралась какой-то лесной дряни. Теперь бегают в кусты прямо на марше...

– Товарищи офицеры, прошу внимания...

Василий не заметил, как в палатку вошел Баталин. Комбат был озабочен и сумрачен. Пройдя за сколоченный из обдирных досок стол, он вытащил карту. Разложив ее на столе, майор ткнул в карту пальцем и сказал:

... – Получен приказ по бригаде, по прибытии на место дислокации без промедления, сходу поддержать готовящееся наступление. Назначено оно на четыре утра. В нашем распоряжении есть резерв в три четверти часа. За это время провести в ротах короткие политзанятия и инструктировать рядовой состав на предмет полной готовности к ведению боевых действий.

Баталин помолчал и добавил:

– Я знаю, что вы хотите сказать. Да, люди устали, пройдя двенадцать километров...

А потому прошу всех собрание провести продуктивно и в минимально короткое время. Бойцам надо дать отдохнуть. Товарищ капитан, – повернулся комбат к сидевшему рядом замполиту Карпову, – вас я попрошу не задерживать офицеров долго. Все знают свою задачу, а поэтому можно ограничиться общей вводной. Все свободны.

Возвращаясь в роту, Малышев не задумывался, что будет говорить своим бойцам. В большинстве своем они были уже обстрелянные, бывалые солдаты. На них можно было положиться, но из нового пополнения были и такие, что глядя на них можно было подумать, что они и в глаза не видели строевой подготовки, а уж оружия и в руках не держали. «Много выбило людей...», – со вздохом подумал Василий. Он вспомнил свое первое формирование, еще там, в Сибири, в Томске, где он, выпускник Белоцерковского пехотного училища, с лейтенантскими погонами досрочного выпуска, с невероятным задором и жаждой битвы в сердце, принял в командование отделение вновь формируемого состава Н-ской отдельной стрелковой бригады.

А накануне, в училище состоялось партийно-комсомольское собрание. Молодые лейтенанты глядели на стоявшего на сцене Малышева, читающего стихи собственного сочинения, а он, чуть наклонившись, как бы посылая свою крепко сбитую фигуру в пространство навстречу судьбе, резким жестом сжатой в кулак кистью отбивал ритм горячего стиха:

*Сталин в сердце моём, мне не жизнь дорога,
Мы на битву вдвоём с ним пойдём на врага,
Нас на подвиг страна, честь и совесть зовет!
Командиры, вперёд! Командиры, вперёд!*

*В нас священный огонь никогда не умрет!
Нас не сломит беда, вражских бесов орда!
Да за Родину в бой Сталин нас поведёт!
Коммунисты, вперёд! Коммунисты, вперёд!*

*Пусть как клич пролетит «над Отчизной беда!».
Мы услышим, поднимемся все на врага,
И фашистов сметем, как речной ледоход!
Командиры, вперед! Коммунисты, вперед!*

В зале заведённые лейтенанты, в едином порыве подхватили: «Мне не жизнь дорога, Сталин в сердце моем...», и пять сотен глоток, стуча в пол сапогами, ревели: «Командиры, вперед! Командиры, вперед!...».

Когда Малышев сбежал со сцены, из-за стола президиума поднялся начальник училища. В его глазах стояли слезы:

– Сынки, родные мои! Как я хотел бы сейчас быть рядом с вами, стать во главе ваших рот и повести на врага!.. Бейте нечисть так, как вас просит товарищ Сталин, как указывает наша родная коммунистическая партия, как молит о том наш многострадальный народ! Таких, как вы, победить нельзя! Сибиряки, покажите вашу мощь и силу духа! Нет такого врага, который бы устоял перед вами. С нами победа, победа будет за нами!..

Крики «ура» чуть не обрушили старенькие своды зала. Молодые лейтенанты, в едином порыве скандировали: «Мы фашистов сметем, как речной ледоход! Командиры, вперед! Коммунисты, вперед!»...

Эта картина быстро тускнела и таяла. Василий не понимал, почему он вдруг оказался в каком-то волшебном-загадочном краю. Он чувствовал, что не спит, видел, как ходят вокруг него солдаты хоззвода, разносящие пайки и котелки с дымящейся кашей. А вдаль, в сумрачном свете, скрывающем стену темных древесных стволов, ему пригрезилось лицо Тани, ее серые глаза с тоскливой печалью глядели на него в немом вопросе. «Да, да... – прошептал Василий, – я знаю, что ты хочешь спросить... Я думаю о тебе все время, я не забыл тебя... Посмотри вокруг, эти солдаты через час вступят в смертельный бой, и я поведу их на врага. Но ты не бойся, я выживу... я вернусь... Таня... Таня...».

Перед Василием вдруг открылся яркий, утонувший в потоках солнечного света день, который он перед отъездом из отпуска провел с Таней. Они гуляли за поселком, в лугах, заросших высокой, по пояс душистой, пряной до головокружения травой. Это время превратилось для него в один сплошной поток блаженного ощущения. Он смотрел на ее тонкую, воздушную фигурку, летящую над ярко-цветным многообразием, и сладкие спазмы невыразимой нежности обливала его сердце. Вечер приблизился в оглушительном стрекотании кузнечиков, в порывах далекой музыки ветра и душистого запаха вечерних цветов. Перед ними выросла времянка, в которой косари хранили свои нехитрые принадлежности и отдыхали во время сенокоса. Не сговариваясь, они вбежали в просторный сарай и с разбегу бросились на сено, позабытое с прошлых покосов.

– Васенька, я устала, давай отдохнем здесь. Здесь так хорошо...

– Ну, конечно. Я сам с удовольствием поваляюсь на траве. В последнее время не часто приходилось просто так валяться и ни о чем не думать.

– А вот и нет! – засмеялась Таня. – Просто так лежать я тебе не дам. Помнишь, ты обещал мне почитать свои стихи. Я хочу прямо сейчас их послушать.

– Какие стихи? Я уже давно не писал ничего. Некогда было. А те, что писал раньше, могут тебе не понравиться. Они в общем-то про кое-какие чувства...

– Вот и хорошо. Я страсть люблю слушать про какие-то чувства, тем более, что я догадываюсь – какие.

– Ну, это... конечно, про любовь... Я прочитаю тебе как умею, ты не смейся... Если не понравится, заткни уши...

Василий набрал воздуха и выдохнул первый звук, будто бросаясь в холодную воду:

*Каплей меда сладкого
На твоих губах
Мне наградой станется
Поцелуй впотьмах.*

*Уловил желание
Тайное твоё,
Было в том послании
Сердца маятьё.*

*Не брани поспешно,
Что застал врасплох.
Не сама ты грешная,
Это я не плох.*

*Пряным духом стелется
По лугам трава.
Пьяным вихрем веется
Буйна голова.*

*В сердце разыгрался пыл,
Жар души полет...
Оттого, что сладок был
Поцелуя мед...*

– Ну, что? Не понравилось? – почему-то шепотом спросил Василий. Таня молчала, и только ее глаза странно блестели, словно светились в полумраке. Василий выдохнул и про-
бормотал:

– Наверно, я никогда не стану поэтом...

Договорить он не успел. Таня, изогнувшись тонкой тростинкой, прижалась губами к его губам. Охнув, Василий сжал руками ее плечи. Кружилась голова и кровь стучала в висках тяжким молотом, но оторваться от сладких девичьих губ у него не доставало сил. Он только почувствовал, как Таня, упершись ему в грудь, оттолкнула от себя:

– Дурной, я задохнулась совсем! Ты меня задушил бы сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.